

УДК 82-7
М.Р. Арпентьева
Калужский государственный университет имени К.Э.
Циолковского

ПЕРЕМЕНЫ КАК ПРЕДМЕТ ПСИХОЛИНГВИСТИЧЕСКИХ ИССЛЕДОВАНИЙ

В статье рассматривается одна из современных проблем психолингвистических исследований: проблема детекции и осмысления «маркеров перемен» – искусственных (высказываний) и естественных (событий) показателей изменений в функционировании и развитии человека и его отношений с другими людьми, а также методики, которые используются для изучения этих показателей. На примере анализа текстов психологического консультирования – практики, направленной на развитие человека, побуждение человека к продуктивным переменам в его жизни и осмыслении им жизни, – рассматриваются основные особенности этих методик и основные способы выявления «маркеров перемен».

Анализ «маркеров перемен», представленный в данном исследовании, опирается на понимание того, что в мире все взаимосвязано, и, таким образом, даже самые деструктивные, опасные события и феномены могут быть выявлены, предотвращены или тем или иным образом скорректированы. Основываясь на этом, автор указывает на неизбежность перемен и утверждает, что любое такое изменение может стать причиной серьезных трансформаций.

Аргументация автора базируется на разграничении эксплицитных и имплицитных сигналов, активная и точная идентификация которых не только позволяет прогнозировать «непрогнозируемое», но и вмешиваться в течение процессов, корректируя их с наименьшей затратой

сил, ресурсов материального, психического и духовного типа. При этом автор приходит к выводу, что смысл дает о себе знать не в одном маркере перемен, а в их сериях, а эффективность их детекции находит прямую зависимость от навыков «активного слушания».

Проведенное исследование доказывает, что маркеры перемен могут быть выделены в исследованиях, обращенных к сопоставительному анализу текстов и фрагментов текстов как «лоскутов реальности»: интертекстовая модель понимания помогает не только осознавать наличие скрытых и скрываемых («слабых») сигналов, способных радикально изменить понимание происходящего, но и разрабатывать методы успешного вмешательства в развитие человека и его отношений, а также реконструкции его развития, жизнедеятельности в целом.

Ключевые слова: интерпретация, текст, нарративный анализ, дискурс, маркер перемен, слабый сигнал.

M.R. Arpentieva
Kaluga K. E. Tsiolkovsky state University

CHANGE AS A SUBJECT OF PSYCHOLINGUISTIC RESEARCH

The article discusses one of the modern psycholinguistic topics of research, which is the issue of identification and comprehension of "markers of change" - artificial (utterances) and natural (events) indicators of changes in a person's functioning and the development of his or her relations with other people, as well as the methodologies used to study these indicators. Analysing the scripts of psychological counseling – the practice aimed at promoting personal development, stimulating a person to make productive changes in his or her life and comprehend it – the author considers the main features of these techniques and basic ways to identify "markers of change".

The analysis of “markers of changes” proposed in the present study relies on the fact that everything in the world is interconnected and, therefore, even the most destructive, dangerous events and phenomena can be identified, prevented or corrected in one way or another. Drawing on this, the author highlights the ineluctability of changes and argues that any such change may cause serious transformations.

Author’s reasoning is based on the differentiation of explicit and implicit signals, which active and accurate identification not only allows you to predict the “unpredictable”, but also helps intervene in the course of the processes, adjusting them with minimum material, psychological and mental resources involved. The author concludes that the meaning manifests itself not in a single “marker of changes”, but in their series, and the efficiency of their identification directly depends on the skills of “active listening”.

The study ultimately proves that “markers of changes” can be allocated in research works focusing on comparative analysis of texts and scripts as “scraps of reality”: the intertext model of comprehension helps not only recognise the existence of explicit and implicit (“weak”) signals able to radically alter the way reality is being comprehended, but also develop the methods for successful intervention in a person’s development and the evolution of his relations with others, as well as reconstruct his or her development and functioning patterns in general.

Key words: interpretation, text, narrative analysis, discourse, marker of change, weak signal.

Введение

Современная психолингвистика, как и многие другие науки и практики, в последнее десятилетие своего развития обратила свое внимание на феномены «маркеров перемен». В последние годы интенсивно развиваются дискурсивные исследования и исследования нарративов, и, в том числе, концепции «зарождающихся тенденций» или «нарративов будущего»

(future narratives) или «джокеров» / «слабых сигналов» (менее или более вероятных событий с масштабными последствиями), которые играют все более заметную роль в исследованиях будущего, форсайте, а также, хотя и значительно меньше, в исследованиях настоящего и прошлого (истории). Кроме того, в настоящее время наблюдается интенсивная экспансия лингвистических теоретических конструкций (понятие дискурса, например) и методов исследования (качественный анализ, контент-анализ текстов, понимание культурных и социальных феноменов как обладающих текстовой природой) в ряд других областей научного знания, в том числе, в психологию. Такого рода экспансия связана, прежде всего, с тем, что с развитием человека усиливается значение лингвистических факторов интерперсонального взаимодействия. Человек переходит (метакогнитивное понимание) от фокусировки на «ментальной области», от исследования своих мыслей, к фокусировке на речевой деятельности – своей и других людей (от «потому что я так думал» к «потому что я (они) так сказал(и)»). Психолингвистический анализ, по мнению исследователей, помогает лучше понять как специфические виды активности (деятельности), так и те или иные дискурсы и практики социального взаимодействия, выявить их глубинную сущность и тенденции развития, а также – при необходимости – реконструировать источники этих тенденций и формы проявления сущности. Закономерности языковых объяснений субъектов рассматриваются как показатели (развития) их ценностей (интенций) и имплицитных теорий о мире и о себе. В психолингвистике при этом весьма активно исследуются взаимосвязи языка и познавательных процессов (психосемантики) в трех основных контекстах: мышлении как внутреннем диалоге (thinking and self-communication), внешнем диалоге и разговоре (talk), в процессе понимания текста (text) (Калмыкова, 1996; Рикер, 1996; van Dijk, 1997).

Направления и методы психолингвистических исследований

Обыденные ситуации общения (а также их транскрипты и видеозаписи), отражающие особенности мыслительных процессов, диалога и понимания текста, их изменений, подвергаются различным вариантам качественно-количественного анализа:

1. анализу структуры взаимодействия, внутренней структуры диалога или текста, в том числе:

- дискурсивному анализу, сосредоточенному на исследовании специфики языкового описания и интерпретации реальности участниками разговора, автором текста, изменений и различий этого описания в разных речевых жанрах и на разных этапах взаимодействия;

- психосемиотическому анализу, сосредоточенному на особенностях осмысления людьми себя, друг друга и мира, а также изменениях этого осмысления, включая преодоление смысловых барьеров, разрывов (лакун) и т.д.;

- диалог-анализу, сосредоточенному на исследовании внутренней взаимосвязи диалогических единиц-интеракций, занятому «реконструкцией жизни через язык», выявлении смысловых подструктур диалога, включая его «поворотные точки»;

- «разговорному анализу» (conversation analysis), также много внимания уделяющего исследованию внутренней динамики разговора, трансформациям /изменениям смыслов на разных уровнях и этапах диалога и т.д.;

2. анализу особенностей самих участников диалога, авторов текста, их целей и ценностей, в том числе:

- нарративному анализу, рассматривающему текст как совокупность в разной степени понятных и требующих понимания «историй» ее участников, позволяющих понять их прошлое и актуальное состояние и отношения, предвосхитить будущие изменения, осмыслив, такие образом, жизнь человека как единство;

- интент-анализу, сосредотачивающему свое внимание на исследовании интенциональной направленности сознания говорящих, автора и читателя, изучении тенденций изменений и, более или менее развернутому, исследованию маркеров изменений (перемен).

3. интертекстовому анализу – исследованию процессов взаимодействия текстов (интертекстуальности и т.д.) и вариантов их смысловой «распаковки» читателем и /или «взаимной распаковки» текстами друг друга (способов и стратегий понимания, перевода и т.д.).

Однако во многом эти виды анализа понимания текстов, мышления и общения сходны между собой как различные варианты качественно-количественного психолингвистического анализа текстов, различия оказываются связанными:

- с особенностями стоящих перед исследователем целей, интересами исследователя;
- с особенностями самого анализируемого текста (Бейтсон, 2000; Брудный, 1998; Василюк, 1988; Калмыкова, et al., 1996; Ковалев, 1991).

При этом наиболее популярными являются подходы, сфокусированные на исследовании тенденций осмысления людьми себя и мира и, реже, изменений этих тенденций. Маркеры перемен, их детекция и осмысление, могут быть обнаружены и осуществлены в самых разных текстах, однако, некоторые тексты или текстовые взаимодействия позволяют сделать это более успешно. В исследованиях интертекстов человек и его бытие рассматриваются как постоянно изменяющиеся, наполненные бесконечными возможностями «смысловой распаковки» континуумы: в зависимости от того, кто их читает, ситуации прочтения и т.д. выбираются способы прочтения – «распаковки», которые приводят к тем или иным выводам и переменам. Маркеры перемен оказываются заложены в самих способах прочтения.

Психолингвистические исследования психологического консультирования

Особый интерес и перспективы психолингвистические исследований лингвисты и психологи видят в изучении особенностей различных дискурсивных и профессиональных практик, например, тех, что связаны с особенностями профессиональных позиций (ценностей) психологов-консультантов и психотерапевтов. Консультативное взаимодействие, являясь одним из наиболее развернутых и обращенных к пониманию собеседниками друг друга, а также к изменениям (развитию) в понимании, является одной из наиболее репрезентативных областей психолингвистических исследований в целом. При этом консультативное, направленное на изменения, взаимодействие изучается как в рамках «кейс-стади», так и в рамках контент-анализа и близких ему качественно-количественных методик, включая качественный и количественный анализ данных транскриптов и реальных ситуаций взаимодействия, данные опросов и (глубинных интервью), наблюдений и т.д.

Анализ текстов консультативных бесед и изучение маркеров перемен.

На уровне методов исследования, наиболее широко распространен подход к изучению консультативных бесед, а также консультативного дискурса как диалогического и убеждающего («conversation analysis») (Арпентьева, 2015; Бакурова, 2010; Бахтин, 1979; Калмыкова, et al., 1996; Рикер, 1996; Harre, 1994; McLeod, 1997; Morris, 1993). Изучаются как реальные беседы и их видеозаписи, так и транскрипты. Работая с транскриптами (текстовыми записями) консультативных бесед исследователь может выбрать практически любой способ и метод их изучения. Весьма свободно он может себя чувствовать и в выборе предмета. Однако, наиболее интересный ракурс, во многом интегрирующий остальные возможные ракурсы исследования, на наш взгляд,

представляет собой исследование консультативных бесед как взаимодействия процессов и результатов понимания партнерами себя и друг друга, в том числе, взаимопонимания. Обращаясь к этому ракурсу, исследователь может выделить несколько фокусов исследования консультативного взаимодействия:

- процесс, в ходе которого часто возникает новый, более или менее общий для общающихся язык описания и интерпретации реальности, в том числе, новый языковой «жанр» (маркерами перемен являются маркеры возникновения и формирования этого нового языка, смены жанра);

- процесс, в ходе которого «непонятный рассказ» клиента становится понятным, и, проясняясь, трансформируется и трансформирует участников диалога и отношения между ними (маркеры перемен – маркеры развития понимания, например, «сверки пониманий»: «Правильно ли я понимаю, что...?»);

- процесс, в ходе которого происходит постоянное «разделение» и «смешение» потоков смысловой информации о себе, другом человеке и ситуации взаимодействия - в поиске ответов на вопросы: «Кто говорит?», «Кому говорит?», «Что говорит?» (маркеры – изменение обращений друг к другу и личной персонификаций говорящих).

Психосемиотический подход к анализу практики психотерапевтического взаимодействия как «лингвистического трюка» («talking cure»), опирающийся на работы Р. Барта, М. Бахтина, Л. Витгенштейна и М. Фуко, представлен отечественными и зарубежными исследованиями, в которых моменты перемен отражены как моменты наименования (детекции и осмысления) и переименования (переосмысления) (Арпентьева, 2015; Morris, 1993; Riikonen, 1997).

В последнее время наблюдается рост внимания

консультантов и исследователей к дискурсивному и семантическому анализу высказываний клиента. Использование техник картирования (mapping) и/или контентного анализа, позволяет раскрыть содержание (discovering meaning) субъективных значений клиента (децентрирующая, ре-имагинативная и др. виды психотерапии и консультирования) и суть его проблем. Ре-имагинативная терапия (re-imagining therapy) использует и развивает, например, осмысление дискурсивной и отношенческой перспектив консультативных отношений: маркеры перемен – маркеры изменений дискурса, обозначающие изменения отношений. Исследователи этой практики объясняют успех консультирования его вниманием к тому, как люди относятся (relate to) и обращаются (relate with) с языком – того, какие способы общения поддерживают различные взаимоотношения и ведут к формированию различного опыта (различных переживаний), как изменения способов общения маркирует изменения отношение и жизни, и языка. Слово и язык – средства структурирования и воздействия на процесс создания консультированием чувств надежды и доверия, пространства любви. Языковые маркеры перемен – это маркеры построения и развития отношений веры, надежды и любви (van Dijk, 1997; Harre, 1995; Harre, & Gillet, 1994) как условий любого продуктивного, поступательного развития, а также маркеры отсутствия развития отношений, веры, надежды и любви как условий деструкции и инволюции.

В рамках дискурс-анализа активно разрабатывается вопрос о специфике дискурсивных, речевых практик и моделей общения («strategies for the description»). Каждый тип дискурса (например, теоретический, практический, эстетический), рассматривается как особая ценностная сфера, «вращающаяся» вокруг собственной системы ценностей (истинности высказываний, справедливости поступков или искренности чувств). Каждый тип дискурса реализуется в

специфическом наборе «речевых жанров» («Кто говорит?») с особыми, отражающими ценности личности интенциями. Каждый тип конструирует особый тип социальных и межличностных взаимоотношений, приводя к тем или иным переменам в них (Harre, & Gillet, 1994; McLeod, 1997; Morris, 1993; Silverman, 1996). Вместе с тем, помимо ценностных различий, есть различия, связанные с наличием профессиональных способов понимания и профессиональных дискурсивных практик.

В консультативной психологии и консультировании понятие «дискурса» (как системы правил организации речевого общения, тесно связанной с ценностно-смысловой позицией субъекта) является одним из интегративных понятий в процессе исследования консультативных бесед, консультирования в целом. Оно позволяет отразить представление о существовании тесной взаимосвязи целого ряда концептов (содержание, процесс понимания и самопонимания участников консультативного контакта, ценностный потенциал и модели общения) с практикой собственно языковой коммуникации. Особенности дискурсивного взаимодействия психолога с клиентом дают возможность составить целостное представление о когнитивных и личностных особенностях клиента и терапевта: говорящего и того, к кому эта речь обращена. В осмыслении практики оказания психологической поддержки одно из ведущих направлений занимается исследованием типов терапевтических дискурсов (психиатрических и антипсихиатрических). Отмечается сосуществование в консультировании судебного, педагогического и собственного консультативного речевых жанров, его асимметричность и изменчивость: смена жанров взаимодействия отражает перемены отношений и наоборот, перемены отношений ведут к смене жанров взаимодействия. Изучается внутрижанровая динамика консультативного диалога, различные дискурсивные практики

рассматриваются как специфические способы «гештальтирования» реальности, обладающие разным диалогическим потенциалом. Отмечается, что множественность, жанрово-стилевая неспецифичность языков консультативного взаимодействия обычно обуславливает его успешность (Брудный, 1998; Копьев, 1991; Рикер, 1996; Роджерс, 1994). Изучается сравнительная доходчивость разных языков и жанров, предпочитаемые представителями разных школ и подходов типы невербальных и вербальных вмешательств. При этом самопонимание клиента в значительной мере определяется дискурсом терапевта. В процессе консультаций клиент осваивает психотерапевтический миф (систему представлений о психологии человека и процессе психологической помощи ему), через призму которого он начинает по-новому осознавать себя. Индоктринация клиента приводит к формированию позиции «внутреннего психотерапевта». Однако, большинство исследователей отмечает, что подлинное знание рождается внутри человека, в его внутреннем диалоге – в смене состояний тождественности-нетождественности. Маркерами перемен, таким образом, служат маркеры переживаний человеком его тождественности и нетождественности, правильности и неправильности, включенности и отчужденности понимания себя и мира, изменений способа употребления клиентом транслируемой консультантом доктрины. Психоанализ, который, стал первым объектом исследований, посвященных изучению «психологического дискурса» иногда определяют как «мирное обращение», «закливание неправильным словоупотреблением». Психоаналитик предстает как автор стиля и разработчик языка взаимодействия. Язык изображает (*figurability*) и замещает симптом (образ). Особенности системы референций задают путь самопонимания. Метафоры восполняют довербальный опыт, расширяя границы языка, а их понимание делает познание другого глубоким: маркеры

перемен- метафоры подсказывают направление такого «расширения» и «углубления» (McLeod, 1997; Morris, 1993; Potter, 1996).

Метафоричность рассматривается как один из объяснительных принципов, возникающих в процессе консультативного общения эффектов и феноменов понимания. Метафора выступает как один из этапов смыслообразования, а также один из механизмов этого преобразования (изменений). Метафоры – такая форма воплощения субъективного знания о действительности, которая может стать разделенной и общей, приобретя более или менее устойчивое значение. Искажения понимания проблемной ситуации могут быть описаны в терминах личностных и когнитивных психологических защит. В процессе психотерапии психолог стремится к тому, чтобы эти противоречия и искажения были извлечены из бессознательного (осознаны) и переработаны сознанием (реинтерпретированы). Поэтому маркерами перемен может служить обнаружение и осмысление противоречий в понимании себя мира клиентом: само по себе обнаружение «пограничных» зон является свидетельством начинающейся трансформации, перемен. Задача терапевта – заставить говорить вынужденное молчать влечение, двигаясь от непонятной, «пустой речи» к «полной», понятному рассказу. Поэтому, даже неточные интерпретации, обеспечивающие клиента альтернативным дискурсом, помогают, «ведут к правде» его бытия. Консультирование выявляет структуру ложного (не)понимания, восстанавливает утраченные места, их смысл. В качестве критериев понимания выступают: логическая связанность интерпретаций, их практическое подтверждение, их диалогическая проверка (взаимное согласие). В качестве маркеров перемен – обсуждение разрывов в языке и понимании клиента, алогизмов и неточностей, структур «ложных пониманий».

Таким образом, консультативное понимание во многом

является процессом совместного творчества. Оно целостно, направлено на преодоление отчуждения человека от своего опыта в процессе воссоздания дискурса другого (другого дискурса) в процессе общения, введения вытесненных смыслов в общение. Консультирование представляет собой целительную беседу, лечение разговором (talking cure) (Калмыкова, et al., 1996; Harre, & Gillet, 1994; Silverman, 1996). Маркерами перемен могут служить изменения, связанные с преодолением отчужденности клиента от себя и мира: изменения психологической дистанции (например, большая персонифицированность и осмысленность – рефлексивность высказываний).

В последнее время внимание исследователей также часто обращается на осмысление консультативной ситуации как нарратива (story telling). Ведущим фокусом «нарративного поворота» в конце XX века стало утверждение, что функционирование различных форм знания можно понять только через рассмотрение их нарративной, повествовательной, природы, было введено представление о необходимости структурного рассмотрения текста, его «деконструкции» (текста как пространства «репрессии», подавления или сокрытия смыслов). Это во многом дополнило требования «лингвистического поворота», декларировавшие необходимость считать исследования в области гуманитарных, в том числе психологических проблем «языковыми».

В рамках нарративного подхода и метода понимание исследуется как воссоздание создаваемого клиентом текста (telling and re-telling). Структура текста отражает пути смыслообразования в процессе создания (историзации) клиентом своего прошлого в процессе самопредъявления. Особое внимание уделяется проблеме автобиографического рассказа и реализации в этом процессе «стремления к смыслу» («turn to meaning»). Процесс рассказывания и реинтерпретации индивидуальной истории жизни клиентом

(как «re-author») 0 сердцевина консультирования. Поскольку нарратив обладает одними из самых значительных возможностей передачи личностной информации, а одна из важнейших задач консультативного контакта – возможно более полное и глубокое взаимопонимание партнеров, то в конечном счете все виды психологической помощи можно отнести к нарративной (narrative therapies). Опыт консультирования (переживания, возникающие в ходе консультирования) могут быть поняты, осмыслены в терминах рассказа и пересказа таких историй (telling and re-telling). Маркерами перемен могут быть как начало построения целостного нарратива, так и смысловые изменения повторяющихся историй – нарративов и/или повторы компонентов (сюжетных метафор и т.д.) в нарративах клиента, относящихся к разным людям, сферам, событиям. Исследователями отмечается наличие по крайней мере двух основных логик исследования: выявление «психологических» закономерностей и построение нарратива интимных переживаний клиента (на основе содержательного анализа и изучения последовательностей предъявления тех или иных «содержаний» – ассоциаций, обмолвок, инсайтов, – клиентом).

В психолингвистической, постмодернистской модели консультирования оно, особенно психоанализ, предстает как попытка осмысления «структурированного как язык» бессознательного, «движение от непонятной речи к понятной», от непонятного рассказа к рассказу понятному, а также «нанесение на карту» психических фактов, их пространственно-временной анализ. И, с другой стороны, как попытка достичь наиболее вероятных конструкций при истолковании неоднозначных ситуаций. Консультирование, таким образом, не предлагает истин, но помогает достичь истины, ее понимания. Постмодернистское, конструктивистское понимание консультационных отношений предполагает обращение к исследованию их как

процессов, в том числе, синергетических процессов личностного развития субъектов консультирования. Поскольку «выходные» результаты клиента и консультанта коэволюционируют, невозможно определить «конечный пункт» консультирования, оно, как и сами смыслы открыто. При этом консультанты полагают, что понимание, социально. В любой культуре определенные нарративы доминируют над остальными. Истории, циркулирующие в обществе, конституируют жизнь консультанта и клиентов. Взаимодействие между историями, которые они проживают в своей личной жизни, и историями, циркулирующими в их культурах - носит двусторонний характер. Опыт «я» существует в непрерывном взаимодействии с другими, человек творит себя через нарративы, которые включают других людей, взаимно переплетенных в этих нарративах. В общем виде, эту парадигму называют по-разному: «постструктурализм», «деконструктивизм», «интерпретативный поворот» и «новая герменевтика», наиболее распространенным термином является «постмодернизм». «Конституционалистская перспектива», как и перспектива интерсубъектная, интерсубъективная, предполагает, что, поскольку человеческим существам не дано познать абсолютных истин, то эмпирические истины повседневной жизни конституируются посредством историй, которыми живут люди. Люди приходят к консультанту, когда доминирующие нарративы не позволяют им прожить свои собственные предпочтительные нарративы, или когда «человек активно участвует в представлении историй, которые он находит бесполезными, неудовлетворительными и бесперспективными. Они в незначительной мере охватывают прожитый опыт и/или значительно противоречат важным аспектам его прожитого опыта. Консультативное пространство является интерсубъективным: в нем происходит встреча и взаимоосмысление двух субъективных реальностей, фокусом внимания становятся сознательные и

бессознательные способы структурирования клиентом во взаимодействии с психотерапевтом своего опыта. Консультирование – процесс расширения и проговаривания «невывыказанного» – развитие в диалоге новых нарративов. Разрешение «когнитивного диссонанса» при непонимании связано с изменением понимания и/или изменением реальности (нарративов ее осмысления). Таким образом, принятие нарратива или формирование альтернативного нарратива клиентом и диалоге с консультантом также могут служить маркерами перемен. Как только люди начинают «заселять» и переживать альтернативные истории, обнаруживая не обозначенные на ней события, результаты консультирования и выходят за пределы решения проблем. В рамках новых историй люди переживают новое самопонимание и понимание мира. Понимание, будучи социальным, меняется и обновляется – конструируется – в каждый момент взаимодействия: маркеру перемены – маркеры перемен понимания человеком себя и мира. Нарративная метафора как «аналогия в истории» расширяет и развивает «интерпретативный метод»: события, которые не попали на «карту» нарратива, не существуют в ее смысловом мире, информация – это, по сути, «новости различия»: осознание и осмысление различия запускает все новые формы поведения и жизни в целом.

Отдельный момент исследований представляют нарративы будущего – сюжеты, которые описывают будущее, его реалистичные или гипотетические (в зависимости от содержания сюжета) варианты, и связывают эти возможные сценарии с текущими тенденциями, делая их предметом дискурса. Они являются аналогом «нарративов сегодняшнего дня», фокусирующихся на текущих событиях, ранее уже наблюдавшихся и связываемых субъектом с определенными событиями и изменениями в прошлом. Различные «нарративы будущего» (потенциальные возникающие

тенденции) вынуждены конкурировать друг с другом, а также с «нарративами современности», чтобы привлечь внимание субъектов. Однако, как бы ни был внимателен клиент или консультант, он рано или поздно сталкивается с особым случаем «потенциальных» зарождающихся тенденций – так называемыми «джокерами» (wild cards), означающими события, вероятность реализации которых весьма низка и неопределенна, но могущими произойти внезапно и иметь серьезные последствия (дестабилизируя или полностью разрушая системы). Зарождающиеся тенденции отличаются от «трендов» (общих направлений или течений, имеющих место на протяжении определенного периода времени и отличающихся сравнительно предсказуемым характером) и «искусственного ажиотажа», которые не являются тенденциями, но могут порождать новые тенденции, включая «джокеров», если их взаимодействие внезапно меняется. Изучение «джокеров» в консультировании, особенно организационном, связано в психоанализе с исследованиями парапсихологических феноменов в середине XX века и, в настоящее время, с началом периода техногенных катастроф и террористических актов. Многие «джокеры» («происшествия и катастрофы», «черные лебеди» и т.д.) однако, развиваются по определенному сценарию: цепочка малозначимых и почти незаметных событий, трендов приводит к появлению критической напряженности (переломному моменту), после чего происходят «взрыв» и радикальные изменения в системе. Возможность влиять на воздействие джокеров и выявлять сильные и слабые сигналы, способные прояснить прошлое, изменить настоящее и предсказать будущее растет по мере того, как человек обретает способность понимать окружающий его мир.

Интертексты в консультировании и изучение маркеров перемен

Очень важными в психолингвистических исследованиях

являются идеи об интертекстуальности, о бесконечной интерпретации текста и невозможности «конечного интерпретатора», о неотделимости текста от контекста. В нарративном исследовании внимание в большей мере сосредоточено на смысловых структурах человека и процессе их взаимодействия, в дискурсивном исследовании преобладают цели, связанные с выявлением различных версий понимания человеком особенностей взаимодействия в различных социальных контекстах (Арпентьева, 2015). Современные исследования в данной области все чаще выходят на осмысление того, что суть психологического консультирования в целом не может быть объяснена на основе анализа индивидуальных эффектов: психологическое консультирование не есть процесс воздействия одних личностей на другие, его эффекты не сводимы к поступкам, переживаниям и «инсайтам» отдельных индивидов, их автономного профессионального и/или личностного «саморазвития». Консультирование не есть «текст» или реконструкция «отдельных» текстов, напротив, оно интертекстуально. Отдельные тексты в консультировании обладают самоподобием и, таким образом, являются интертекстами. Клиент и консультант сталкиваются с синхронизациями или синхронистичностями событий во внешнем и внутреннем мире: смысловые совпадения, то есть о связи не причинно-следственного типа, с тем что одни события и высказывания выступают как повторяющиеся в разных контекстах и отношениях «метафоры» других событий. Синхронистичность как пример гистерезиса или параллелирования процессов перемен в разных системах и подсистемах – постоянно действующий в природе творческий принцип, упорядочивающий события акаузальным, непричинным, и ателеологическим, нецелевым, путём, а только на основании их смысла, «сущности», на уровне, часто недоступном обыденному пониманию, но могущем быть раскрытом и раскрываемом в процессе

консультирования. Многочисленные феномены такого рода описаны в практиках работы М. Эриксона, Л. Виилмы, С. Лазарева и т.д. (Арпентьева, 2015). Они отражены и в работах Г. Бейтсона и основоположника исследований синхронистичностей К.-Г. Юнга (Бейтсон, 2000). Синхронистичность возникает, когда субъект сталкивается с ситуацией «невозможности», неразрешимой «каузальными» и телеологическими путями проблемой. Синхронистичности связаны с существованием в мире «самоподобных», «самосуществующих объективных смыслов», которые не являются продуктом индивидуальной психики, но присутствуют одновременно как внутри психики, так и во внешнем мире, «объективно». Этот феномен описывается также в «законе серийности» (или «законе пачки») критика дарвинизма П. Камерера и концепциях анализа истории человечества (таких как М.М. Постников, А.Т. Фоменко В. Паули, К.-Г. Юнг, др.): изменения происходят не по одному, но сериями и параллельно в нескольких структурах (Арпентьева, 2015). Совпадения могут объясняться действие форм-матриц, «мемов» или «хреод» – понятийных структур, существующих в «морфогенетическом», то есть генерирующем формы, поле сознания. Когда в жизни складывается комплементарная для данной «хреоды» / «мема» ситуация, она резонирует и задает дальнейшее развитие этой ситуации. Таким образом, если есть две ситуации, способные вызвать резонанс одной и той же «хреоды», то ситуации могут развиваться параллельно с точностью до деталей, вне очевидных причин. При этом сложные системы, жизнедеятельность которых организована по механизму гистерезиса, обладают особым рода инерцией, стремятся сохранять и возобновлять себя, противостоя даже сильным помехам и повреждениям – персистивностью, которая выступает как системный аналог инерции. Со временем персистивность системы увеличивается – до тех

пор, пока система остается целостной. Однако, любая система изменяется, подчас неожиданным образом: предвестниками, маркерами изменений в этом случае являются «слабые сигналы», не замеченные или проигнорированные участниками ситуации, иначе перемены не были бы «внезапными». Синхронизация связана с существованием неосознаваемых сообществом или человеком «мерцающих зон», метафорических посланий («знаков»), проявляющихся как необычные, странные совпадения во внешне не связанных во времени и пространстве и т.д. событиях. Они возникают в потоке социально и личностно значимых событий или «случаев».

Психолингвистический анализ «маркеров перемен» опирается на понимание того, что в мире все взаимосвязано, и, таким образом, даже самые деструктивные, опасные события и феномены могут быть выявлены, предотвращены или тем или иным образом скорректированы. Особое значение в этом процессе играет понимание того, что перемены неизбежны и, даже самые «опасные» или «нелепые», самые малые и редкие могут нести функцию развития и серьезных трансформаций, – если они правильно осмыслены, если их потенциал использован организацией и ее членами в продуктивных целях, целях развития. Так, сопротивление клиента изменениям и «тупик» в консультировании, – хотя и негативное, но свидетельство начала нового витка развития личности и отношение, «маркер» потребности в опоре на иные ценности и смыслы деятельности и события, пресыщенность устаревшей системой ценностей и смыслов жизни, а также свое ролью в жизни других людей и т.д. Что касается самих событий и проблем, которые являются необходимыми компонентами консультирования и показателями его успешности, – важным аспектом является своевременное и правильное распознавание «слабых» и «сильных» сигналов – маркеров перемен, их

осмысление, искусство соотнесения сигналов перемен с их собственным «временем»: людям часто весьма сложно решить что перед нами – испытание и предвестие (будущее), наказание и разьяснение тайны (прошлое), сигнал к действию (настоящее) и собственным «пространством» (системой отношений, явлений или событий, к которому они относятся). Отсюда – многочисленные барьеры и сопротивления на пути изменений, преодолевая которые человек учится жить, в том числе, принимать перемены, теряя и приобретая, изменяя смыслы своего бытия. Для того чтобы жить, человеку очень важно понять: кто он, откуда он и куда идет, что с ним происходит: испытание и обучение, наказание и отмщение, указание к действию или информация «к сведению».

В понимании этих моментов психолингвистика сотрудничает с другими науками, привлекая концепции, изучающие перемены и сложные, интертекстовые системы. Простейшие свободные адаптации математических и иных теорий системы, хаоса, кризиса, катастрофы, развития в их применении к психолингвистическому исследованию внутриличностной, межличностной или социальной реальности приводят исследователей к тому, что человек или общество, отношения между людьми могут рассматриваться как сложная адаптивная понятийная система, в которой есть сущность как внутренняя «область устойчивости», равновесия или гомеостаза – центральная зона, а также «оболочки сущности», периферия – узкие области, находящиеся на границе зоны гомеостаза и внешнего хаоса. Как отмечал Г. Бейтсон, соединивший в своих работах психологические, культурологические и лингвистические аспекты анализа реальности, мироздание организовано как сеть обратных связей, оно иерархически-рекурсивно: каждая сложная система вместе со своими метаболитами существует в контексте еще более сложной системы, с

которой она обменивается веществом и информацией, последовательно или параллельно развивается. При этом контекст определяет поведение системы (понятий), также как система изменяет контекст (Бейтсон, 2000). Сложные системы сочетают в своем функционировании ряд принципов: гомеостаза, постоянства или равновесия и развития, изменчивости или трансформации, каузальной, причинно-следственной, и телеологической, финитистской обусловленности, последовательных и параллельных, синхронных изменений и т.д. Особое внимание в изучении сложных систем, например, такой системы как отношения религий, государств, сообществ, исследователи и практики обращают на принцип синхроничности (параллелирования) или гистерезиса. Этот принцип отражает цикличность формирования и развития понимания человеком себя и мира, наличие в развитии и функционировании понятийной системы циклических этапов, повторений и переходных этапов, обновлений (Торсвик, 2004; Cross, 1993; Ewing, 1885), а также общий – эмерджентный («возникающий» в событии) или «финитистский» характер осмысления человеком себя и мира (предпонимание определяет понимание), иных, более или менее «глобальных» систем. В телеологических моделях психологии и социологии, в форсайт-моделях экономики и политики утверждается зависимость результатов взаимодействия сложных систем от целей и ценностей взаимодействия, а также в разной мере осознаваемых понимающим себя и мир «зарождающихся тенденций», непредсказуемых и неожиданных на уровне привычного и экспертного сознания джокеров, а также влияние артефактов и «истории» развития самой системы (ван Рай, 2012; Loverbridge, 2009). Все существующие исследования перемен, в том числе, психолингвистические исследования, сходятся в одном: существуют сигналы или маркеры перемен – предвестники серьезных изменений. Эти маркеры могут

быть как весьма интенсивными, эксплицитными, сигналами так и слабыми, скрытыми, в том числе, связанными с имплицитно существующими, но до определенного момента не проявленными, характеристиками системы. Однако, активная и точная идентификация этих сигналов не только позволяет прогнозировать «непрогнозируемое», но и вмешиваться в течение процессов, корректируя их с наименьшей затратой сил, ресурсов материального, психического и духовного типа. Их особенность в том, что даже минимальные изменения параметров в них приводят к непропорционально значительным изменениям в поведении всей системы: эти сверхчувствительные зоны иногда принято именовать «границами хаоса» или «мерцающими зонами», «между-зонами», «зонами интертекстуальности» и т.д. (Lewin, 2000).

Однако, человек и иные сложные системы не замкнуты и вместо ограниченной сложной адаптивной системы, круженной хаосом, исследователи, как показали исследования Г. Бейтсона, В. Лефевра, И. Пригожина и других, имеют перед собой безграничную сложную гетерогенную и адаптивную среду, которая похожа на бескрайнее лоскутное одеяло. Перед нами не просто тексты, а интертексты. Отдельные лоскуты системы – области понятий или концепций с большей или меньшей гомеостатической устойчивостью. Однако, такая «устойчивость» бывает, как минимум, двух видов: устойчивость порядка и покоя и устойчивость кризиса и беспорядка / перемен. Для простоты анализа исследователи обычно выбирают первый случай, однако, при исследовании сложных систем с точки зрения перспектив их функционирования и развития, часто важнее второй. Поэтому «границы хаоса» называют «границами порядков», границами «текстов» («мемов» «хреод» и т.д.): они находятся на стыках понятийных лоскутов, в местах соединения и взаимодействия областей большей или

меньшей упорядоченности. В этих стыках происходит конфликт и взаимодействие двух (или большего числа) соседних порядков: находящиеся в них «точки» личностной или социальной реальности попадают под конфликтующее влияние одновременно двух или нескольких гомеостатических систем, что создает в них особую «напряженность», сравнимую с напряженностью пограничного перехода между двумя враждебно настроенными странами: один порядок противоречит, враждебен другому, а там, где два порядка соприкасаются, возникает напряжение и пристальное взаимное внимание, развивается непропорциональная чувствительность даже к незначительным событиям («провокациям»). Здесь проявляются нелинейные, рекурсивные характеристики, на которые указывал один из создателей теории сложных систем Эд. Лоренц: их способность быть сверхчувствительными в определенных областях, стремясь к «странным аттракторам» вместо «логически объяснимых» (Пигожин, Стенгерс, 1986; Lorenz, 1972). Общими характеристиками «областей порядка» являются адаптируемость, устойчивость и стремление к экспансии, подверженность фазам жизненного цикла. Общими характеристиками «мерцающих зон» или «областей столкновения порядков» являются дезадаптивность, неустойчивость / изменчивость, нестабильность жизненного цикла и способность усиливать или ослаблять экспансии «зон порядка». В пограничных зонах или «швах» между «лоскутами» социальной реальности области порядка активно сталкиваются, возникают уникальные свойства «мерцающих зон», порождающих «маркеры перемен» - «слабые сигналы». Маркеры перемен существуют в виде естественных (событийный) и искусственных (словесных) метафор (Бакурова, 2010; Уфимцев, 2009): «странные совпадения», «иронии судьбы», соединяющие практически не связанные как в пространстве, так и во времени между

собой события и высказывания в синхронизмы как проявления коллективного бессознательного (ван Рай, 2012). Критериями «индикаторной ценности» искусственных и естественных метафор как маркеров перемен выступают многократное повторение сюжетов (метафорических выражений) и событийных метафор, сюжеты или событийная метафора повторяется с сохранением своего смысла, «уточнениями» происходит распространение маркеров перемен в социальном пространстве. Кроме того, в мерцающих зонах, интертекстовых пространствах, находятся точки, наиболее эффективные и продуктивные с точки зрения осмысления сути затруднений развития и продуктивной трансформации реальности: воздействия могут производиться с более или менее целенаправленной режиссурой событий и фактов, имеющих метафорическое значение. Для увеличения вероятности и интенсивности нужного эффекта вмешательств в «мерцающие зоны», по мнению Р. Уфимцева, можно прибегать к методам повышения их «индикаторной ценности»: многократное использование языковой или событийной метафоры, ее варьирование с сохранением сути и широкое распространение контекстов применения языковых - искусственных или событийных - естественных метафор в социальном пространстве, например, «засевание» как многократное использование событийных и языковых метафор по «целевой» мерцающей зоне (Уфимцев, 2009; Harris, & Zeisler, 2002; Waldrop, 1992).

Классические прогнозы, форсайт, также, как и реконструкции, исторические штудии, обычно опираются на вполне логичное представление о том, что небольшие, слабые изменения обычно производят и небольшие результаты. Они недооценивают или просто игнорируют многие важные маркеры перемен, фокусируясь на показателях «силы тенденций» и «вероятностей». В лучшем случае, упоминаются «джокеры»: неожиданные события, которые не могут быть в полной мере учтены, поскольку

вероятность их возникновения и характер действия заранее не определимы. Однако, существует множество феноменов, которые в статистические показатели не укладываются, но своевременное выявление которых помогает организации выйти из кризиса и/или осуществить необходимый едя успеха перемены. При этом смысл дает о себе знать не в одном маркере перемен, а в их сериях, распределенных в самых разных частях мерцающих зон (зонах интертекстовых взаимодействий).

Общий источник маркеров перемен или слабых сигналов – периферия культуры:

- 1) междисциплинарное, межтрадиционное, промежуточное между искусством и наукой;
- 2) китчевое и симулируемое, в том числе псевдоискусство и псевдонаука;
- 3) внетрадиционное, акультурное, в том числе антинаука и анти-искусство.

То есть, отвергаемое и запретное, необычное и редкое, лишенное цены – не стоящее ничего и бесценное. В консультировании поэтому так продуктивны парадоксальные, в том числе «антипсихологические», «стратегические» и «провокационные» подходы и даже почти китчевые «ургентные формы» помощи, «оскорбляющие» в человеке его чувство прекрасного, правильного и т.д. да и само консультирование, обладающее для многих практиков и теоретиков «маргинальным статусом» искусства и науки, в котором профессиональное и его имитации тесно перемешаны и подчас неразличимы, выступает как естественная сфера пример изучения перемен и их маркеров.

Ответы на ряд вопросов поиска «маркеров перемен» дает так называемая «спиральная динамика» Кл. В. Грейвса (Graves, 1970), иллюстрирующая один из психолингвистических подходов к пониманию человеческого развития. Он исследовал «эмерджентные

циклические уровни существования», которым подвержены «взрослые биопсихосоциальные системы»: человеческие сообщества проходят уровни развития, которые проявляются как различные подходы к решению проблем, которые перед ними ставит реальность. Каждая стадия развития характеризуется также специфической системой ценностей, различным когнитивным настроем. При этом каждый следующий уровень не столько вытесняет предыдущий, сколько наслаивается на него: все предыдущие уровни развития продолжают существовать наряду с самым последним появившимся. Д. Бек и Кр. Коуэн отмечают, что обычно реализуется движение от одного уровня к следующему, расположенному выше на спирали, но возможно и нисходящее движение, «деградация» к ценностям более низкого уровня. Каждый уровень связан со своим миропониманием и ценностями, а смена уровней происходит, когда перед человеком или обществом накапливаются задачи, которые не могут быть решены в рамках действующего уровня (Бек, Коуэн, 2010). При этом каждое миропонимание и система ценностей не сменяют другие полностью, но вытесняют ее с доминирующих позиций: «снимают с повестки текущего дня».

В современных исследованиях также подчёркивается важность отличать маркеры перемен от шума: маркер сочетает (часто необычно и непонятно) в себе ряд когнитивно значимых факторов, которые бессмысленно «перебирать» по одиночке и пытаться логически и линейно рассчитывать их потенциал. Поэтому в работе с клиентами более продуктивна рыбалка и «дорога из хлебных крошек», описанная Э. Миндел (Арпентьева, 2015): простое ожидание «слабого сигнала» без намерения типологизировать его и создание пространства /изучение пространства его самоосуществления. Наиболее близко к нему стоит одна и наиболее важных в консультировании техник «интегрирующее впечатление», которая предполагает, что

все «крошки» картины важны, все они переносятся из «фона – периферии» в «центр-фигуру», все обретают свой гештальт: там, где гештальту быть обретенным суждено, где за «слабым сигналом» стоит вся мощь назревшей трансформации системы, где слабость – обозначение порога, который человек, группа или социальный процесс, такой как взаимопонимание, должны перейти.

Кроме того, можно и нужно взять на вооружение представление о необходимости развивать «чувствительность к проблемам / сигналам», находясь в состоянии «активного слушания», в том числе:

- 1) неровностей «психологической фактуры», погрешностей и разрывов (лакун) в понятийной системе;
- 2) «утечек информации» (оговорок, ассоциаций, повторов и т.д.), блоков – сопротивлений и фасадов – барьеров взаимодействия;
- 3) часто употребляемых и игнорируемых понятий и концепций и т.д.
- 4) обычных и необычных понятийных и жанровых форм и содержаний взаимодействия,
- 5) открывающих как проблемы, так и способы решения проблем в функционировании и развитии системы.

При выявлении и осмыслении «слабых сигналов» обычно вообще невозможны «пошаговые» процедуры: обычно связь между различными факторами мерцающих зон и их сигналов обнаруживается и переживается через инсайт, человек схватывает скрытую между «строк» жизни структуру, улавливая направление роста «зерен будущего». Чтобы их улавливать нужны рефлексивность и развитость метапознавательных умений, открытость и толерантность к неопределенности, вовлеченность и присутствие в «здесь и сейчас».

М. Шеффер и другие авторы (Уфимцев, 2009; Scheffer, et al., 2009) отмечают наличие признаков приближения – маркеров перемен к точкам бифуркации или точкой фазового

или критического перехода: понижение сопротивляемости системы и ее «критическое замедление» – система длительно восстанавливается от различных флуктуаций и пертурбаций, в отличие от равновесной системы; рост автокорреляции и вариабельности: случайные пертурбации начинают оставлять «длинный след», возникает «память» в истории состояний системы; несимметричность флуктуаций и мерцание (нарастание асимметричности во флуктуациях системы) и возникновение «самоподобного» (фрактального) состояния системы и рост «временной» и «пространственной когерентности». Важно, однако, понимать, что неравновесные «критические» состояния более «типичны» и нормальны, чем выходы из критического состояния: развитие совершается всегда, его не нужно пытаться «отменять», а «мерцающие зоны» в отдельные периоды времени и в отдельных пространственных полях могут превосходить по объему «зоны порядка».

При этом, хотя современные исследования сосредоточены на прогнозировании и изменении настоящего ради изменений будущего, концепции «мерцающих зон», «знаков» судьбы, «слабых сигналов» и т.д. могут быть использованы и для реконструкции и экспертизы прошлого, а также трансформации его «смысловой модели» - изменения смысла прошлого, которое неминуемо приведет к изменению смысла настоящего и будущего. Таким образом, применять концепцию мерцающих зон Р. Уфимцева и иные психолингвистические и близкие к ним модели и технологии осмысления «маркеров перемен» только для предсказания и изменения будущего – значит ограничивать потенциал модели и создавать дополнительные «лоскуты» и разрывы «лоскутов» реальности, псевдознаки и псевдособытия. Известный в когнитивной психологии феномен «самоподтверждающегося пророчества», также, как и склонность человека к самооправданию («ошибки всегда совершают другие»), в значительной мере усложняют

процесс детекции и осмысления маркеров перемен.

Выводы

Объяснительный и эвристический потенциал лингвистических моделей перемен и смежных с ними подходов должен быть применен не только к разработке новых и оптимизации существующих моделей консультирования как помощи в развитии и коррекции развития человека и его жизни, но и к реконструкции истории его жизни, осмысления ее уроков и целей в их «сценарном» единстве, нарративе. Психолингвистика становится методом исследования развития человека, перемен в его жизни, а также развития общества и культуры, перемен в развитии общества и культуры. Интерпретация текстов как детекция и осмысление маркеров перемен объединяет анализ процессов их создания, синхроний, актуальной структуры и смыслов того, что текст говорит о будущем. Маркеры перемен могут быть выделены в исследованиях, обращенных к сопоставительному анализу текстов и фрагментов текстов как «лоскутов реальности»: интертекстовая модель понимания помогает не только осознавать наличие скрытых и скрываемых, «слабых» сигналов, способных радикально изменить понимание происходящего, но и разрабатывать методы успешного вмешательства в развитие человека и его отношений, а также реконструкции его развития, жизнедеятельности в целом.

Рисунок №1. Интегративная модель «Психолингвистические маркеры перемен»

Литература

1. Арпентьева М.Р. Социально-психологическое консультирование как взаимопонимание. – Калуга: КГУ им. К.Э. Циолковского, 2015. – 640 с.
2. Бакурова О.Н. Развитие чувствительности к проблеме у студентов-психологов в решении учебных задач с профессиональным содержанием: дисс. ... канд. психол. наук. – Калуга: КГУ, 2010. – 186 с.
3. Бахтин М.М. Эстетика словесного творчества. – М.: Искусство, 1979. – 424 с.
4. Бейтсон Г. Экология разума. – М.: Смысл. 2000. – 476 с.
5. Бек Д., Коуэн Кр. Спиральная динамика. Управляя ценностями, лидерством и изменениями в XXI веке. – М.: Открытый Мир, Best Business Books, 2010. – 424с.
6. Брудный А.А. Психологическая герменевтика. – М.: Лабиринт, 1998. – 336 с.
7. Василюк Ф.Е. Уровни построения переживания и методы психологической помощи. // Вопросы психологии. – 1988. – № 5. – С.27-37.
8. Знаков В.В. Понимание в познании и общении. – М.: ИП РАН, 1994. – 237с.
9. Калмыкова Е.С., Чеснова И.Г. Анализ нарративов пациента // Моск. психотерапевт. журн. – 1996. – №2. – С.177-201.
10. Ковалев Г.А. Психология воздействия: теория, методология, практика. Автореф. ... докт. психол. наук. – М.: НИИ ОПП АПН СССР, 1991. – 51 с.
11. Копьев А.Ф. Особенности индивидуального психологического консультирования как диалогического общения. Автореферат дисс. ... психол. н. – М.: АПН СССР, 1991. – 18 с.
12. Пригожин И., Стенгерс И. Порядок из хаоса: Новый диалог человека с природой / Общ. ред. В. И. Аршинова, Ю.

Л. Климонтовича и Ю. В. Сачкова. – М.: Прогресс, 1986. – 432 с.

13. ван Рай В. Зарождающиеся тенденции и «джокеры» как инструменты формирования и изменения будущего // *Foresight-Russia*. – 2012. – V. 6. – № 1. – С. 60-73.

14. Рикер П. Аналитический дискурс // *Московск. психотерапевт. журнал*. – 1996. – №4. – С.5-17.

15. Роджерс К.-Р. Взгляд на психотерапию. Становление человека. – М.: Прогресс, Универс, 1994. – 480 с.

16. Торсвик Г. Тезис о гистерзисе: зависимость от пути в экономических и социальных системах // *Теория и методы в социологии / Под ред. С. Ларсена*. – М.: МГИМО, РОСПЭН, 2004. – 288с. – С.90–101.

17. Уфимцев Р. Мерцающие зоны. – Калининград: Ателье ER, 2009. – 29 с.

18. Cross R. On the foundation of hysteresis in economic system // *Economics and Philosophy*. – 1993. – №9. – P.53–74.

19. van Dijk T.A. Discourse as social interaction. *Discourse Studies. A multidisciplinary introduction*. – L.: Sage Publications, 1997. – 336 p.

20. Harre R., Stearns P. *Discursive psychology in practice*. – L.: Sage Publications, 1995. – 240 p.

21. Edwards D. *Discourse and cognition*. – L.: Sage Publications, 1996. – 368 p.

22. Ewing J.A. Experimental researchers in magnetism // *Philosophical transactions of the Royal society in London*. – 1885. – № 176. – P.399–402.

23. Graves Cl. W. Levels of Existence: An Open System Theory of Values // *The Journal of Humanistic Psychology*. – 1970. – Vol. 10(2). – P.131–154.

24. Harre R., Gillet G. *The discursive mind*. – L.: Sage Publications, 1994. – 200 p.

25. Harris D., Zeisler St. Weak signals: Detecting the next big thing // *The Futurist*. – 2002. –V. 36(6). – P.21-29.

26. Lewin R. Complexity: Life at the edge of chaos. – Chicago: University of Chicago Press, 2000. – 242 p.
27. Lorenz E.N. Predictability: Does the flap of a butterfly's wings in Brazil set off a tornado in Texas? // Paper presented at the 139th Annual Meeting of the American Association for the Advancement of Science. – New York, 1972.
28. Loveridge D. Foresight: The Art and Science of Anticipating the Future. – New York: Routledge. 2009. – 420 p.
29. McLeod J. Narrative and psychotherapy. – L.: Sage Publications, 1997. – 192p.
30. Morris H. Narrative representation, narrative enactment and the psychoanalytic construction of history // The International Journal of Psychoanalysis. – 1993. – V.74. – №1. – P.33-54.
31. Parker I. Psychoanalytic culture. Psychoanalytic discourse in Western society. – L.: Sage Publications, 1997. – 304 p.
32. Potter J. Representing Reality. – L.: Sage Publications, 1996. – 264p.
33. Riikonen E., Smith G.M. Re-imagining therapy. – L.: Sage Publications, 1997. – 192 p.
34. Scheffer M., Bascompte J., Brock W.A., Brovkin V., Carpenter S.R., Dakos V., Held H., van Ness E.H., Rietkerk M., Sugihara G. Early-warning signals for critical transitions // Nature. – 2009. – V. 461. – P.53-59.
35. Silverman D. Discourse of counseling. – L.: Sage Publications, 1996. – 256 p.
36. Stillar G.F. Analyzing everyday texts. – L.: Sage Publications, 1998. – 224 p.
37. Waldrop M. Complexity: The Emerging Science at the Edge of Order and Chaos. – New York: Simon & Shuster, 1992. – 359 p.

References

Arpentieva, M. R. (2015). *Social'no-psihologicheskoe*

konsul'tirovanie kak vzaimoponimanie [Socio-psychological counseling as mutual understanding]. Kaluga, Russia: KGU.

Bakurova, O. N. (2010). *Razvitie chuvstvitel'nosti k probleme u studentov-psihologov v reshenii uchebnyh zadach s professional'nym sodержaniem* [Developing sensitivity to issues with student psychologists in addressing educational tasks with professional content] (Doctoral thesis, Kaluga State University, Kaluga, Russia).

Bakhtin, M. M. (1979). *Jestetika slovesnogo tvorcestva* [Aesthetics of a written word]. Moscow, Russia: Iskusstvo.

Beitson, G. (2000). *Jekologija razuma* [Ecology of the mind]. Moscow: Smysl.

Beck, D., & Cowan, Ch. (2010). *Spiral'naja dinamika. Upravljaja cennostjami, liderstvom i izmenenijami v XXI veke* [Spiral dynamics. Managing values, leadership and changes in the 21st century]. Moscow, Russia: Otkrytyi mir, Best Business Books.

- Brudniy, A. A. (1998). *Psihologicheskaja germenevtika* [Psychological hermeneutics]. Moscow, Russia: Labirint.
- Cross, R. (1993). On the foundation of hysteresis in economic system. *Economics and Philosophy*, 9, 53–74.
- van Dijk, T. A. (1997). *Discourse as social interaction. Discourse Studies. A multidisciplinary introduction.* London, UK: Sage Publications.
- Edwards, D. (1996). *Discourse and cognition.* London, UK: Sage Publications.
- Ewing, J. A. (1885). Experimental researchers in magnetism. *Philosophical transactions of the Royal society in London*, 176, 399–402.
- Graves, Cl. W. (1970). Levels of existence: An open system theory of values. *The Journal of Humanistic Psychology*, 10(2), 131-154.
- Harre, R., & Stearns, P. (1995). *Discursive psychology in practice.* London, UK: Sage Publications.
- Harre, R., & Gillet, G. (1994). *The discursive mind.* London, UK:

Sage Publications.

Harris, D., & Zeisler, St. (2002). Weak signals: Detecting the next big thing. *The Futurist*, 36(6), 21-29.

Kalmykova, E. S., & Chesnova, I. G. Analiz narrativov patsienta [Analysis of patients' narrative]. *Moscow Psychotherapeutic Journal*, 2, 177-201.

Kopiev, A. F. (1991). *Osobennosti individual'nogo psikhologicheskogo konsul'tirovaniya kak dialogicheskogo obsheniya* [Peculiarities of individual psychological counseling as dialogical communication] (Abstract of doctoral thesis, APN USSR, Moscow, Russia).

Kovalev, G. A. (1991). *Psikhologiya vozdeistviya: Teoriya, metodologiya, praktika* [Psychology of impact: Theory, methodology, practice] (Abstract of doctoral thesis, NII OPP APN USSR, Moscow, Russia).

Lewin, R. (2000). *Complexity: Life at the edge of chaos*. Chicago: University of Chicago Press.

Lorenz, E. N. (1972, December). *Predictability: does the flap of*

a butterfly's wings in Brazil set off a tornado in Texas?

Paper presented at the 139th Annual Meeting of the American Association for the Advancement of Science, New York.

Loveridge, D. (2009). *Foresight: The art and science of anticipating the future*. New York: Routledge.

McLeod, J. (1997). *Narrative and psychotherapy*. London, UK: Sage Publications.

Morris, H. (1993). Narrative representation, narrative enactment and the psychoanalytic construction of history. *The International Journal of Psychoanalysis*, 74(1), 33-54.

Parker, I. (1997). *Psychoanalytic culture. Psychoanalytic discourse in Western society*. London, UK: Sage Publications.

Potter, J. (1996). *Representing Reality*. London, UK: Sage Publications.

- Prigozhin I., & Stengers, I. (1986). *Poryadok iz haosa: Novyi dialog cheloveka s prirodoi* [Order from chaos: A new dialogue of man and nature]. Moscow, Russia: Progress.
- Ricker, P. (1996). Analiticheskij diskurs [Analytical discourse]. *Moscow Psychotherapeutic Journal*, 4, 5-17.
- Riikonen, E., & Smith, G. M. (1997). *Re-imagining therapy*. London, UK: Sage Publications.
- van Rij, V. (2012). Zarozhdajushhiesja tendencii i «dzhokery» kak instrumenty formirovaniija i izmenenija budushhego [New emerging issues and “wild cards” as future shakers and shapers]. *Foresight-Russia*, 6(1), 60-73.
- Rogers, K.-R. (1994). *Vzgljad na psihoterapiju. Stanovlenie cheloveka* [A look at psychotherapy. Establishment of the man]. Moscow, Russia: Progress, Univers.
- Scheffer, M., Bascompte, J., Brock, W. A., Brovkin, V., Carpenter, S. R., Dakos, V., Held, H., van Ness, E. H., Rietkerk, M., & Sugihara, G. (2009). Early-warning signals for critical transitions. *Nature*, 461, 53-59.

- Silverman, D. (1996). *Discourse of counseling*. London, UK: Sage Publications.
- Stillar, G. F. (1998). *Analysing everyday texts*. London, UK: Sage Publications.
- Torsvik, G. (2004). Tezis o gisterzise: zavisimost' ot puti v jekonomicheskikh i social'nyh sistemah [The hysteresis thesis: Path dependence in economic and social systems]. *Theory and methods in the social sciences*, 2, 90-101.
- Vasilyuk, F. E. (1988). Urovni postroenija perezhivaniya i metody psihologicheskoy pomoshhi [Levels of formation of emotional experience and methods of psychological counseling]. *Issues of Psychology*, 5, 27-37.
- Ufimtsev, R. (2009). *Mercajushhie zony* [Flickering zones]. Kaliningrad, Russia: Atelye ER.
- Waldrop, M. (1992). *Complexity: The emerging science at the edge of order and chaos*. New York: Simon & Shuster.
- Znakov, V. V. (1994). *Ponimanie v poznanii i obshhenii* [Comprehension in perception and communication].

Moscow, Russia: IP RAN.

УДК 811.111

И.И. Казиева

Е.А. Дмитриева

Российский университет дружбы народов

**КУЛЬТУРНЫЕ АЛЛЮЗИИ КАК СРЕДСТВО
РЕАЛИЗАЦИИ КОММУНИКАТИВНЫХ ИНТЕНЦИЙ В
ДЕЛОВОМ ДИСКУРСЕ**

В статье рассматривается реализация коммуникативных интенций в деловом дискурсе, осуществляемая путем применения культурных аллюзий. Автор приводит примеры из англоязычных источников, в которых используются культурные аллюзии, с описанием их значения.

В исследовании особое внимание уделяется деловому дискурсу, который рассматривается как неотъемлемая часть межкультурной коммуникации, а также концепту «диалога культур», нацеленного на достижение целого ряда целей помимо вербального эффекта.

В статье рассматривается содержание культурных аллюзий как понятия, обозначающего текстовые отсылки исторического, культурного или универсального значения, а также обосновывается предположение о том, что культурные аллюзии могут быть рассмотрены как мощный инструмент, способствующий выявлению интенций участников коммуникативной ситуации. Анализируя представленные примеры, автор предоставляет и аргументирует список интенций, наиболее эффективно реализуемых в деловом дискурсе через использование